

Умывшись, Цюй Юйшань снова вышел в своей пижаме с медвежонком Тедди и сел за стол. Он не только хорошо позавтракал, но и тщательно вытер рот и руки, прежде чем поднять взгляд на Чжоу Ванчжо, который всё это время находился здесь.

В отличие от Цюй Юйшаня в пижаме, Чжоу Ванчжо был в обычной одежде — чёрная рубашка с закатанными до предплечий рукавами, обнажая гладкие и стройные руки, сочетавшие в себе силу и красоту.

— Брат Ванчжо, теперь можешь сказать? — спросил Цюй Юйшань.

Чжоу Ванчжо мягко ответил:

— Это моя недвижимость во Франции. Вчера в предрассветные часы я взял тебя на самолёт.

Цюй Юйшань молча слушал, чувствуя, что эти слова от начала до конца звучали странно. Не только слова — вся ситуация. Он не мог понять, зачем Чжоу Ванчжо вдруг привёз его сюда.

По обстановке комнаты и цепи на ноге, казалось, Чжоу Ванчжо собирался запереть его здесь.

Но зачем его запирают?

Неужели Чжоу Ванчжо собирается запереть его здесь, а потом, пока он не сможет управлять делами компании, попытается обанкротить его?

— Сяо Юй, о чём ты думаешь?

Голос прервал беспорядочные мысли Цюй Юйшаня.

Цюй Юйшань очнулся и обнаружил, что Чжоу Ванчжо неведомо когда оказался рядом с ним. Чжоу Ванчжо стоял у стола, глядя на него свысока. Обычно мягкие глаза, из-за того что свет падал сзади, казались тёмными, и было невозможно разобрать эмоции в их глубине.

Цюй Юйшань невольно оказался в тени Чжоу Ванчжо.

— Я думаю... ты сейчас собираешься запереть меня? — невольно прошептал Цюй Юйшань.

Чжоу Ванчжо наклонился.

— Конечно нет.

Наклонившись, он оказался ещё ближе к Цюй Юйшаню, и его голос, долетевший до ушей Цюй Юйшаня, по-прежнему был мягким.

— Я просто привёл тебя посмотреть на цветы. Они так долго цвели, и если ты не согласишься, то эти цветы потеряют всякий смысл, разве нет? Бесплезные цветы — всего лишь грязь.

Этот ответ заставил Цюй Юйшаня замереть. Он дёрнул ногой, и золотая цепь на его ноге издала лёгкий звон.

— Как я в таком виде пойду смотреть на цветы?

Чжоу Ванчжо выпрямился. Он перевёл взгляд на картину, закрытую белой тканью на стене.

— Сяо Юй, видишь вон то? Сними ткань.

Цюй Юйшань последовал его взгляду. По неизвестной причине он не хотел снимать ткань, но Чжоу Ванчжо пристально смотрел на него, и ему пришлось встать и подойти.

Ухватившись пальцами за ткань, он дёрнул её вниз, и ткань соскользнула, обнажив то, что было под ней.

Это была картина, составленная из бесчисленных цветов.

На картине был изображён обнажённый юноша, лишь прикрытый тканью вокруг бёдер. В тусклом свете юноша лежал в зарослях цветов ириса, его бледное лицо было обращено вперёд, черты глубокие. Цветы, на которых он лежал, источали густой сок, окрашивая его пальцы.

Тёмно-фиолетовый сталкивался с белоснежным. Это была картина, написанная настоящими цветами, и их аромат начал заполнять комнату с момента, когда ткань была снята.

Чжоу Ванчжо подошёл к Цюй Юйшаню сзади и положил руку ему на плечо.

— Сяо Юй, с днём рождения.

— На картине... я? — с опозданием спросил Цюй Юйшань.

— Угу, нравится? — спросил Чжоу Ванчжо, глядя на человека на картине, и безумие, скрытое в его глазах, начало клокотать.

Даже такой недогадливый, как Цюй Юйшань, чувствовал, что что-то не так. Зачем Чжоу Ванчжо рисовал его обнажённым?

И хотя на картине было много цветов, общее ощущение было очень мрачным.

Это было не похоже на сценарий записания соперника, а больше напоминало сценарий содержания канарейки.

Цюй Юйшань снова посмотрел на золотую цепь на своей ноге и невольно вспомнил слова автора о том, что он будет ждать, пока тот пожалеет. Неужели автор больше не собирается делать его пушечным мясом — активом, а сделает главным героем?

Те романы о тиранах, которые показывал ему Чу Линь, часто содержали истории, где тиран в конце добивался любви Белого лунного света — пассива.

Ладно, он признаёт, что Чжоу Ванчжо больше похож на актив, чем он.

Но независимо от того, кто из них более активен, сценарий не тот.

При этой мысли Цюй Юйшань повернулся к Чжоу Ванчжо, с непоколебимой решимостью в глазах.

— Ты не собираешься меня отпускать?

— Угу, — без колебаний подтвердил Чжоу Ванчжо.

— Ты делаешь это, чтобы обанкротить меня, верно? — продолжил Цюй Юйшань. — Ты хочешь заставить меня рассказать, где моя официальная и личная печати, и заставить подписать невыгодные контракты?

Но на этот раз Чжоу Ванчжо не подтвердил, а переспросил:

— Зачем мне тебя банкротить?

— Потому что ты хочешь... — заполучить Цуй Нина, отомстить за него.

Цюй Юйшань запнулся на полуслове.

Нет, он не может говорить о Цуй Нине. Он должен вести себя так, как будто не знает о чувствах Чжоу Ванчжо к Цуй Нину.

Пока Цюй Юйшань пребывал в замешательстве, Чжоу Ванчжо тоже о чём-то думал. Он заметил странность в словах Цюй Юйшаня, и ему даже показалось, что Цюй Юйшань хочет обанкротиться.

Говоря о банкротстве, печатях, в его глазах читалось желание, а когда Чжоу Ванчжо переспросил, это желание мгновенно сменилось разочарованием.

— Сяо Юй, ты хочешь, чтобы я обанкротил тебя? — спросил всегда понимающий Чжоу Ванчжо.

Услышав это, Цюй Юйшань мгновенно воспрял духом, но почувствовал, что не должен выглядеть радостным, и только упрямо отрицал:

— Нет, кто захочет обанкротиться и рыться в мусоре? Я же не сумасшедший.

Умоляю, пусть Чжоу Ванчжо побыстрее отправит его рыться в мусоре!

Молюсь, молюсь!

Неизвестно, была ли его игра слишком хороша, или что-то ещё, но Чжоу Ванчжо, услышав его отрицание, больше не затрагивал тему банкротства, заговорив о другом.

Чжоу Ванчжо спросил Цюй Юйшаня, как ему комната и что ещё нужно.

Комната была обставлена очень тщательно, видно было, что вложили душу. Кроме отсутствия окон и полной зависимости от искусственного освещения, она была почти идеальна.

Но Цюй Юйшаня это совершенно не волновало. Он думал, не является ли это наказанием автора за отход от сюжета.

Чжоу Ванчжо должен был в это время лететь обратно утешать Цуй Нина, но под контролем автора он запер его.

Он всего лишь один раз не последовал сюжету, разве автор должен быть так жесток, превратив его из пушечного мяса — актива в пушечное мясо — пассива?

— Сяо Юй, почему, когда я перед тобой, ты можешь меня игнорировать? — внезапно раздался голос Чжоу Ванчжо, но в отличие от обычного мягкого тона, теперь он звучал холодно.

Цюй Юйшань вздрогнул, поднял голову и увидел, что Чжоу Ванчжо смотрит на него очень странным взглядом. Те обычно мягкие глаза тоже, казалось, изменились, стали мрачными, как поверхность моря перед бурей.

— Я не хотел так с тобой поступать, но ты, Сяо Юй, действительно слишком непослушный.

Почему ты отказываешься слушаться? Ты нехороший, поэтому теперь мне приходится защищать тебя. Этот мир слишком опасен, и только здесь безопасно. Сяо Юй здесь, и его никто не найдёт.

Сказав это, Чжоу Ванчжо мягко улыбнулся Цюй Юйшаню и одновременно протянул руку, словно желая погладить его по лицу, но прежде чем коснуться, Цюй Юйшань резко отпрянул назад.

Эта реакция отразилась в глазах Чжоу Ванчжо, заставив его выражение измениться. А в следующее мгновение он схватил Цюй Юйшаня и насильно прикоснулся рукой к его щеке.

Движение было грубым, но голос снова стал мягким.

— Ты боишься меня?

— Я не боюсь. Я просто хочу сказать, что я актив и никогда не стану пассивом, так что оставь эту затею! — с негодованием заявил Цюй Юйшань.

Скорее умру, чем стану пушечным мясом — пассивом!

Услышав слова Цюй Юйшаня, в глазах Чжоу Ванчжо промелькнула непонятная эмоция, словно луч света, мелькнувший в ночи, и вскоре он тихо рассмеялся.

— Оказывается, Сяо Юй уже дошёл до этого. Ничего, проникающий акт — это всего лишь один из способов выражения любви, в мире есть много других способов выразить любовь.

Он не стал подробно рассказывать о других способах, потому что заметил, что Цюй Юйшань, кажется, уже напуган и смотрит на него в оцепенении.

Чжоу Ванчжо лёгким движением пальца провёл по щеке Цюй Юйшаня, затем отпустил его. Он ещё не хотел пугать эту куклу, которую с таким трудом заполучил.

В сердце Чжоу Ванчжо мальчик на три года младше, живший по соседству, был куклой.

Бледное лицо, стеклянные глазки, алые губы, всегда в красивой одежде, бегающий по большому дому.

Именно такой кукла была в его книжке с картинками.

Только кукла в книжке была ненастоящей, а эта перед ним — настоящая.

При этой мысли Чжоу Ванчжо снова тихо рассмеялся. Он мягко сказал:

— Сяо Юй, у меня снаружи ещё есть дела, побудь здесь один.

<http://bllate.org/book/15596/1390623>